

ПОЛИЦЕЙСКИЕ СЛУЖБЫ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

А.В. Гайкин

DOI: 10.7256/2222-1964.2013.3.7944

КОРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ 1923 г. В ЯПОНИИ И ДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ

1 сентября 1923 г. серия подземных толчков встряхнула восточную часть Канто, самого густонаселённого индустриально развитого региона Японии. Семь префектур были затронуты стихийным бедствием, максимальные разрушения и потери были в г. Токио, столичной префектуре и в префектуре Канагава. Самый страшный ущерб и огромные человеческие жертвы были следствием гигантского пожара, вала огня. Только в Токио и Иокогама погибли 80 тысяч чел., 40000 чел. были ранены, более 1 миллиона беженцев покинули районы проживания. Сразу после землетрясения кабинет министров Японии собрался для решения вопросов обеспечения населения продуктами, предметами первой необходимости и соблюдения порядка в разрушенных районах.

Начальник Токийского управления полиции Акаикэ Ацуси, участвовавший в усмирении «Рисовых бунтов» 1918 г. (массовые волнения населения из-за повышения цен на рис) считал, что нехватка продовольствия может снова стать причиной антиправительственных выступлений. Если сотни тысяч, пострадавших от стихийного бедствия, лишившихся жилья людей останутся без пищи «невозможно предугадать что они предпримут. Всё зависело от наших действий и альтернативы принятию экстраординарных (чрезвычайных) мер не было» — вспоминал позже главный полицейский Токио¹. Акаикэ на совещании рекомендовал ввести в Токио военное положение².

Уже после полудня 1 сентября в г. Иокогама и г. Кавасаки начали циркулировать слухи о появлении групп, взбунтовавшихся корейцев (позже они были признаны ложными). 2 сентября в 15 ч. начальник отделения полиции в Томидзака (район Токио) сообщил

в токийское управление полиции об аресте корейцев, которые вели себя асоциально, поджигали дома. Позже информацию проверили и нашли её не соответствующей действительности. Похожие сообщения поступали из полицейских участков в районах Токио — Сэтагая и Накано.

После аннексии Японией в 1910 г. Корея была включена в состав Японской империи. Однако, как отметил американский исследователь Edward W. Wagner, «корейские подданные Японии... не пользовались правами и привилегиями японских граждан»³. Тем не менее, право на въезд и проживание в Японии в качестве «гастарбайтеров» они получили, поэтому аннексия Кореи стала точкой отсчёта создания в Японии самой большой за пределами Кореи корейской диаспоры. В 1925 г. из 103 тысяч гастарбайтеров в Японии 54,5% составляли строительные рабочие; 28% — фабричные рабочие; 8,3% — шахтёры; 6,7% — слуги, домработницы; 1,8% — докеры (грузчики)⁴. Специфический менталитет японцев и иерархичность их мировидения отразилась на отношении к иммигрантам. По мнению авторов, выполненного в МИДе Японии исследования «Положение корейцев в Японии в 1925 г.» (Тайсё дзюённэн тю ни окэру дзайрю тэсэндзин но дзёкё): «японцы рассматривали корейцев как низшую расу»⁵.

За пять лет до землетрясения Мидзуно Рэнтаро, как министр внутренних дел, участвовал в разработке комплекса мер, принятых правительством для подавления «Рисовых бунтов», после чего его стали рассматривать как специалиста по борьбе с граждански-

¹ Акаикэ Ацуси. Дайсинсай тодзи ни окэру сёкан (Мои мысли во время землетрясения в Канто) // Дзикэй. №51. ноябрь 1923. — С. 211.

² Кан Ток Сан. Гэндайси сирё б. (материалы по новейшей истории). Т. 6. Канто дай синсай то тэсэндзин. (Великое землетрясение в Канто и корейцы). — Токио, 1963. — С. 17.

³ Weiner Michael. The Origins of the Korean Community in Japan, 1910-1923. Humanities Press International, Atlantic Highlands, New Jersey, 1989. — С. 9.

⁴ Пак Кэн Сик. Дзайнити тэсэндзин ундоси (Социально-политическая история корейцев в Японии). — Токио, 1979.

⁵ Mitchell Richard. The Korean minority in Japan. University of California press. Berkeley and Los angeles, 1967. — С. 34.

ми беспорядками. После подавления антияпонского «Первомартовского движения» 1919 г. в Корею и объезда в августе о переходе к «культурному управлению» он в сентябре был назначен гражданским губернатором Кореи под началом генерал-губернатора Сайто для руководства администрацией колонии, чем и занимался до июня 1921 г. И Мидзуно и Акаикэ вошли в историю как «усмирители» национально-освободительной борьбы корейцев в 1919 г. см. Frank Prentiss Baldwin Jr., *The March first movement: Korean challenge and Japanese response*, unpublished doctoral dissertation, Columbia university, 1969, p. 186-213⁶.

Опыт «зачистки» Корейского полуострова после восстания сформировал у них отношение к корейскому народу и корейской диаспоре в Японии как к этносу, потенциально склонному к вооружённому мятежу, особенно опасному (для японского государства) во время природных катаклизмов, социальных потрясений, дезорганизации институтов власти. Поэтому их реакция на слухи об антиобщественном поведении корейцев во время землетрясения была предсказуемой.

Акаикэ, доверяя непроверенной информации о корейских инсургентах, считал, что большая часть диаспоры не будет вовлечена в беспорядки если своевременно обезвредить инициаторов волнений, поэтому он отдал приказ о жёсткой нейтрализации зачинщиков антиобщественных акций с участием корейцев⁷. Министр внутренних дел Мидзуно также не был склонен подвергать сомнению сообщения об асоциальном поведении корейцев, поступавшие утром 2 сентября — «После обдумывания ситуации. ... я пришёл к выводу, что единственно правильным решением будет введение военного положения»⁸. 2 сентября во второй половине дня военное положение было объявлено в Токио, и пяти прилегающих к нему районах, а 4 сентября этот чрезвычайный режим был введён в префектурах Сайтама и Тиба. 45. К 10 сентября численность, сосредоточенных в Канто войск, достигла почти 50000 чел.⁹.

По мнению психологов: «Индукции идей способствует ситуация религиозной секты, закрытого тоталитарного общества, ... географической или культуральной (в том числе языковой) изоляции. Легче индуци-

руются дети и подростки, лица с низким интеллектом. В основе биологии индуцирования лежит эффект ... толпы, при котором конкретное поведение осуществляется быстрее, если оно наблюдается у других»¹⁰. В контексте этой концепции можно предположить, что введение военного положения усилило антикорейские настроения, повысило «градус» корейнофобии, а последующие действия полиции и армии не оставили у населения сомнений в истинности, распространявшихся о корейцах слухов.

Полицейские в Токио и Иокогаме расклеивали объявления и распространяли листовки, призывая сбитых с толку обывателей быть бдительными ввиду возможности беспорядков и агрессии со стороны банд корейских инсургентов¹¹. Морияма Санэёси командир дивизии «Нарасино», введённой в город для усиления токийского гарнизона, 2 сентября после полудня отдал следующий приказ войскам под его командованием: «...В случае волнений вы должны пресекать действия людей, которые, пользуясь хаосом, нарушают общественный порядок. Если после получения предупреждения они отказываются подчиняться, вы можете использовать оружие»¹². В тот же день в 17 часов он в директиве для полиции обозначил нарушителей как корейцев, совершающих антиобщественные действия, констатировав, что уже было несколько арестов в районах Токио Оцука и Ёдобаси: «Позвольте напомнить о необходимости соблюдать бдительность и принимать решительные меры против этих корейцев»¹³.

Последующие действия МВД превращали непроверенные или неподтверждённые слухи в официальную информацию, способствовали её распространению по всей стране. 2 сентября после полудня Гото Фумио руководитель Комитета по делам полиции в Министерстве внутренних дел дал указание военно-морской радиостанции в г. Фунабаси (префектура Тиба) отправить губернаторам префектур следующую радиogramму: «Организованные группы корейских экстремистов, используя стихийное бедствие в Токио, пытаются устраивать мятежи, занимаются поджогами, у некоторых корейцев были обнаружены бомбы. Частичное военное положение уже объявлено в Токио, мы просим, усилить скры-

⁶ Weiner Michael. *The Origins of the Korean Community in Japan, 1910-1923*. Humanities Press International, Atlantic Highlands, New Jersey, 1989.

⁷ Акаикэ Ацуси. Дайсинсай тодзи ни окэру сёкан (Мои мысли во время землетрясения в Канто) // Дзикэй. №51. Ноябрь 1923. — С. 216.

⁸ Там же. — С. 11.

⁹ Имаи Сэйити. Нихон но рэкиси (История Японии). № 23. Тайсё демокрасии (эпоха демократии Тайсё), Токио. Тюо коронся, 1978. — С. 388.

¹⁰ Психиатрия: учеб. пособие для студентов медицинских вузов / под ред. В.П. Самохвалова. — Ростов-н/Д: Феникс, 2002. — С. 13.

¹¹ Кокумин симбун. 14.10.1923 г.

¹² Кан Ток Сан. Гэндайси сирё 6. (материалы по новейшей истории). Т. 6. Канто дай синсай то тэсэндин. (Великое землетрясение в Канто и корейцы). — Токио, 1963. — С. 100.

¹³ Мацуо Такаёси. Канто Дайсинсай ка но тэсэндин гякусацу дзикэн. дзё (Массовые убийства корейцев во время Великого землетрясения Канто. Ч. 1) Shiso. № 471. Сентябрь 1963. — С. 48.

тое наблюдение во всех регионах и принять решительные меры против активности корейцев»¹⁴. Эти директивы МВД транслировались по всей стране.

Поскольку из-за стихийного бедствия распространение тиражей газет стало невозможным, Токио нити нити симбун и другие издания уже со 2 сентября начали печатать настенные газеты-листочки (плакаты), содержащие официальные уведомления государственных органов для населения. В одной из таких первых газет-плакатов содержался призыв создавать отряды самообороны для защиты от социалистов и корейских инсургентов¹⁵.

Американский социолог Стэнли Коэн в 1972 г. опубликовал книгу «Народные бесы и моральные паники: возникновение Модов и Рокеров». По мнению учёного, отдельные лица или группы могут в какие-то периоды в глазах народа воплощать образ врага. В общественном сознании они становятся по выражению Коэна «народными бесами»: «...группы индивидов могут быть определены как угроза социальным ценностям и интересам. Иногда объект паники — относительно новый, в другое время — нечто уже давно существующее и вдруг вышедшее на первый план.... Особая роль принадлежит массмедиа в формировании имиджа социальных проблем. Медиа выступают в роли агента морального возмущения (нравственного негодования) даже если они этого сами не осознают. Их способ предоставления определённых фактов может быть достаточен для возникновения определённого негодования, беспокойства или паники»¹⁶.

В атмосфере антикорейской истерии началось создание отрядов самообороны (дзикайдан). Вслед за Токио и Иокогама (где они появились вечером 1 сентября), после введения военного положения 2 сентября эти вооружённые формирования были организованы и в других населённых пунктах региона Канто¹⁷. К середине сентября в семи префектурах (Токио, Тотиги, Гумма, Ибараки, Тиба, Сайтама, Канагава) насчитывалось около 3700 таких отрядов самообороны¹⁸. Дзикайдан формировался в основном из членов Тэйкоку дзайго

гундзинкай (Ассоциация резервистов императорской армии) и Сэйнэндан (Национальная молодежная ассоциация). Члены Ассоциации резервистов получали серьёзную физическую подготовку и подвергались идеологической обработке, в духе японизма и милитаризма. Национальная молодежная ассоциация была создана в 1915 г. под эгидой правительства (МВД и Министерства образования); ее члены также проходили курсы идеологической и военной подготовки¹⁹.

Чиновники не только инициировали создание дзикайдан, но и способствовали их трансформации из добровольных ассоциаций взаимопомощи и самообороны в по существу вооружённые банды, основной целью которых было преследование корейцев. То, каким образом Дзикайдан превращались в бесчинствующие шайки было описано в редакционной статье газеты Санъё симпо от 25.10.1923. В ней в частности говорилось: «Вначале Дзикайдан в городе Хондзэ (уезд Кодэма) приносили реальную пользу. Вместе с местными резервистами, членами молодежных ассоциаций и добровольными пожарными дружинами, члены отрядов самообороны встречали беженцев, прибывавших из Токио, распределяли продукты и предметы первой необходимости. Но в атмосфере посткатастрофного шока, усугублённого слухами о преступлениях корейцев, члены дзикайдан, постепенно утрачивая дисциплину, начали сбрасывать кули с трамваев, избивать продавцов товаров вразнос»²⁰.

Не только армия, полиция и МВД поощряли преследование членами дзикайдан корейцев, но в ряде случаев администрации некоторых городов и уездов вооружали отряды самообороны оружием из арсеналов военных гарнизонов. Армейские части тоже отличались жестоким обращением и даже убийством ни в чём не повинных корейцев. Этюя Риити, автор дневника рядового в районе землетрясения (Этюя Риити, Канто дай синсай но омоидэ (Мои воспоминания о землетрясении в Канто), Нихон то Тёсэн. сентябрь 1961 г.) описал действия, солдат 13-го полка кавалерии Нарасино, получившие известность как печально известный инцидент Камэйдо: «С тех пор как 2 сентября около 2 часов мы прибыли в Камэйдо много людей стали нашими жертвами. Мы вели охоту и убивали корейцев с вечера до глубокой ночи»²¹.

¹⁴ Кан Ток Сан. Гэндэйси сирё 6. (материалы по новейшей истории). Т. 6. Канто дай синсай то тёсэндзин. (Великое землетрясение в Канто и корейцы). Токио, 1963. — С. 18.

¹⁵ Там же. — С. 92.

¹⁶ Cohen Stanley. Folk Devils and Moral Panics. The Creation of the Mods and Rockers. — Oxford: Basil Blackwell, 1972. Ch. 1.

¹⁷ Наймусё кэйхокёку (Министерство внутренних дел управление полиции). Тайсё дзюнинэн кугацу цуйтати синсайго кэйкай кэйби иппан (Действия полиции после землетрясения 1 сентября 1923 г.). Без даты. — С. 26-28.

¹⁸ Weiner Michael. The Origins of the Korean Community in Japan, 1910-1923. Humanities Press International, Atlantic Highlands, New Jersey, 1989. — P. 174.

¹⁹ Smethurs Richard J.: A social basis for prewar Japanese militarism: the army and the rural community, xxi, 202 pp. Berkeley, etc.: University of California Press, 1974.

²⁰ Санъё синпо. 26.10.1923 г.

²¹ Такахаши Синъити и др. Рэкиси но синдзицу: Канто дай синсай то тёсэндзин гякусацу (Правда истории: землетрясение в Канто и убийства корейцев). — Токио. — С. 285.

К вечеру 3 сентября, ситуация во многих регионах вышла из-под контроля администрации и полиции. Якобы (по слухам) планируемое корейскими и японскими экстремистами восстание так и не состоялось, но дзикайдан по инерции продолжал методично выслеживать и убивать корейцев. Спихватившаяся власть для прекращения насилия и успокоения населения распространила в Токио 30 тысяч листовок, полицейские патрули через громкоговорители делали объявления следующего содержания: «Так как большинство корейцев ведёт себя адекватно и лояльно и не совершает противоправных поступков незаконные репрессивные акции против них недопустимы»²². Полицейское управление Токио издало директиву для всех начальников полицейских структур запрещавшую ношение оружия членами дзикайдан: «К тем, кто откажется подчиняться запрету на ношение оружия должны быть приняты соответствующие меры вплоть до заключения под стражу»²³.

4 сентября Токийское управление полиции решило наконец положить конец антикорейским погромам и предложило руководству токийского филиала Соайкай (квази-профсоюз корейских трудовых мигрантов организованный и управлявшийся японской полицией) встретиться в здании управления полиции. На этой встрече было принято решение сформировать 10 сентября бригаду из 120 корейских рабочих — добровольцев для их использования администрацией токийской префектуры на работах по восстановлению города и строительству дорог в пострадавших от стихийного бедствия районах Токио; а также широко освещать в прессе участие корейцев в преодолении последствий землетрясения в целях формирования благоприятного имиджа корейцев, занимающихся общественно-полезной работой (Сякай хоси), для того чтобы остановить антикорейские погромы»²⁴. В период с сентября 1923 г. по март 1924 г. Соайкай каждый день направлял 300-400 корейцев для разборки завалов и строительства в Токио²⁵.

5 сентября, премьер-министр Ямамото выступил с обращением к нации: «Мне сообщили, что граждане

предпринимают в отношении корейцев враждебные действия, инспирированные слухами об актах террора, планируемых корейскими инсургентами, в атмосфере хаоса, воцарившегося после разрушительного землетрясения и пожаров. Преследование корейцев японцами не отвечает принципам и постулатам политики ассимиляции Кореи Японией. Если информация об антикорейских погромах просочится за границу это безусловно приведёт к нежелательным последствиям. ...Я искренне надеюсь, что население всерьёз задумается над этим и сохранит самоуважение»²⁶. Это заявление снизило накал антикорейских настроений, волна погромов пошла на спад.

Число корейцев убитых в регионе Канто в течение первой недели сентября 1923 было предметом серьёзных споров²⁷. Некоторые источники приводят цифру 6000 чел.²⁸. Синхронный событию полицейский источник даёт цифру в 231 чел. убитых и 43 чел. раненых, но эти данные не включали в себя корейцев убитых полицейскими и военнослужащими²⁹. 21 октября газета Токио нити нити симбун опубликовала результаты собственного расследования. По её данным в префектурах Токио, Канагава, Тиба, Сайтама, Гумма было убито 432 корейца. Токио нити нити симбун 21 октября 1923 г. Согласно более позднему докладу, составленному Комитетом по делам полиции МВД, жертвами охваченной массовым психозом толпы стали 3 китайца и 59 японцев, по ошибке принятых за корейцев³⁰.

Официальные данные были оспорены и Ёсино Сакудзо, который провёл собственное расследование. (Yoshino Sakuzo. Chosenjin Gyakusatsu Jiken ni tsuite (о корейских погромах)). Тюо корон. ноябрь 1923 г.) Согласно Ёсино, в регионе Канто было убито около 2600 корейцев, только в г.Токио и префектуре Канагава чис-

²² Мацуо Такаёси. Канто Дайсинсай ка но тэсэндзин гякусацу дзикэн. дзё (Массовые убийства корейцев во время Великого землетрясения Канто. Ч. 1). Shiso. № 471. Сентябрь 1963. – С. 35.

²³ Мацуо Такаёси, «Канто Дайсинсай ка но тэсэндзин гякусацу дзикэн. гэ. (Массовые убийства корейцев во время Великого землетрясения в Канто. ч. 2). Сисо. № 476. Февраль 1964. – С. 116.

²⁴ Там же. – С. 108.

²⁵ Weiner Michael. The Origins of the Korean Community in Japan, 1910-1923. Humanities Press International, Atlantic Highlands, New Jersey, 1989. – С. 181.

²⁶ Там же. – С. 181.

²⁷ Мацуо Такаёси. Канто Дайсинсай ка но тэсэндзин гякусацу дзикэн. дзё (Массовые убийства корейцев во время Великого землетрясения Канто. ч. 1) Shiso. № 471. Сентябрь 1963. – С. 57.

²⁸ Такахаси Синьити и др. Рэкиси но синдзицу: Канто дай синсай то тэсэндзин гякусацу (Правда истории: землетрясение в Канто и убийства корейцев). – Токио, 1975. – С. 205-213.

²⁹ Наймусё кэйхокёку (Министерство внутренних дел управление полиции). Тайсё дзюнинэн кугацу цуйтати синсайго кэйкай кэйби иппан (Действия полиции после землетрясения 1 сентября 1923 г.). Без даты. – С. 53-55.

³⁰ Мацуо Такаёси. Канто Дайсинсай ка но тэсэндзин гякусацу дзикэн. дзё (Массовые убийства корейцев во время Великого землетрясения Канто. ч. 1) Shiso. № 471. Сентябрь 1963. – С. 54.

ло жертв корейских погромов превысило 1800 чел.³¹ Пак Ген Сик пришел к выводу, что число убитых корейцев, по крайней мере в двадцать раз больше официальных цифр³².

21 октября были опубликованы результаты проведенного в Токио полицейского расследования преступлений и антиобщественных поступков, вменяемых в вину корейцам, согласно которому 23-м корейцам были реально предъявлены обвинения. На самом же деле 16 из этих 23 найдены, идентифицированы и арестованы не были. Их имена полиции не известны. Из оставшихся 7-ми корейцев один покончил жизнь самоубийством, ещё двое совершили побег из тюрьмы, поскольку схватившие их японцы-члены отряда самообороны пытались убить своих пленников выстрелами из пистолетов, поиск с целью ареста ещё 4-х подозреваемых закончился неудачей³³. В Иокогаме (согласно результатам расследования) уголовные дела были возбуждены в отношении сорока корейцев, большинство из которых не были идентифицированы и задержаны³⁴. И в Токио и Иокогаме, несмотря на широко разрекламированные заявления полиции о правонарушениях, совершённых корейцами и задержании преступников, обвинения против большинства арестованных были сняты (рассыпались) ввиду отсутствия доказательств³⁵. Полицейское расследование антикорейских погромов привело к аресту в Канто 600-700 членов дзикайдан-участников массовых убийств³⁶. Не всем задержанным японцам были предъявлены обвинения, и в судебных процессах в префектурах Токио и Иокогама, которые шли до марта 1924 г. в качестве обвиняемых участвовали только 125 человек. Из них двое были оправданы, 91 человек осуждены условно, и только 32 японца были приговорены к реальным срокам заключения³⁷.

³¹ Кан Ток Сан. Гэндайси сирё 6. (материалы по новейшей истории). Т. 6. Канто дай синсай то тэсэндзин. (Великое землетрясение в Канто и корейцы). – Токио, 1963. – С. 357-362.

³² Пак Кэн Сик. Дзайнити тэсэндзин ундоси (Социально-политическая история корейцев в Японии). – Токио, 1979. – С. 149.

³³ Мацуо Такаёси. Канто Дайсинсай ка но тэсэндзин гякусацу дзикэн. дзё (Массовые убийства корейцев во время Великого землетрясения Канто. ч. 1). Shiso. № 471. Сентябрь 1963. – С. 57.

³⁴ Кан Ток Сан. Гэндайси сирё 6. (материалы по новейшей истории). Т. 6. Канто дай синсай то тэсэндзин. (Великое землетрясение в Канто и корейцы). – Токио, 1963. – С. 425-426.

³⁵ Мацуо Такаёси. Канто Дайсинсай ка но тэсэндзин гякусацу дзикэн. дзё (Массовые убийства корейцев во время Великого землетрясения Канто. ч. 1) Shiso. № 471. Сентябрь 1963. – С. 58.

³⁶ Там же. – С. 60.

³⁷ Там же. – С. 61.

Максимальное наказание — четыре года каторги получили только двое³⁸. Большинство осуждённых были помилованы в связи со свадьбой кронпринца Хирохито в январе 1925 г.³⁹ Суд над тридцатью пятью бывшими членами дзикайдан в префектуре Сайтама, которые обвинялись в убийстве около 200 корейцев, начался 22 октября 1923 г. В результате пятнадцать человек были признаны виновными и приговорены к лишению свободы на срок от шести месяцев (4 чел.) до 4 лет (1 чел.), большинство из них были помилованы в 1924 г.⁴⁰

Феномен антикорейских погромов состоял из двух компонент: 1. Действия разных ветвей власти программного характера с заданными целями и средствами для их достижения; 2. как бы стихийная, массовая антикорейская истерия населения, которая на самом деле была индуктивно наведённой волей институтов власти. Провоцирование японскими властями массовых убийств корейцев имело целью, в том числе, и предотвращение антиправительственных выступлений и волнений после землетрясения в Канто.

Руководство страны помнило Рисовые бунты 1918 г. (массовые беспорядки, вызванные повышением цен на рис, сопровождавшиеся нападением на полицейские участки, рисовые склады, антиправительственными демонстрациями и т.д.) и чтобы исключить их повторение выбрало корейскую диаспору для перевода на иммигрантов вектора массового недовольства людей, потерявших дома, имущество, родственников во время страшного природного катаклизма. Прямых приказов об убийствах корейцев не было, но были многочисленные директивы и инструкции о необходимости контроля, наблюдения, бдительности в отношении иммигрантов, закладывающие в массовое сознание почти аксиоматическое отождествление корейцев с врагами японского общества и государства. Инстинкт классового самосохранения правящей страты выразался в многочисленных, не обязательно управляемых из единого центра, не обязательно координированных акциях информационного (или скорее дезинформационного) характера, формирующих у японского общества образ врага, говорящего на корейском языке.

В ноябрьском номере журнала Тюо корон за 1923 г. Ёсино Сакудзо утверждал, что готовность японцев доверять слухам о криминальном поведении корейцев объясняется тем, что плачевные результаты японского управления Кореей вызвали широкое недовольство ко-

³⁸ Там же. – С. 59-60.

³⁹ Там же. – С. 60.

⁴⁰ Там же.

рейского народа. Реакцией японского общества на Первомартовское восстание в Корее стала скрытая (латентная) враждебность к корейским иммигрантам⁴¹. Ёсино, единственный из публицистов, утверждал, что фундаментальные причины антикорейских погромов — в природе японского колониального господства.

Антияпонские выступления 1919 г. в Корее нарушали привычный для японцев установленный порядок. В этом плане убийства корейцев носили для японцев (приверженцев консервируемой языческой религии Синто) в какой-то степени характер религиозно-кровавого обряда восстановления нормы, возврата к стабильности бытия, которую пытались нарушить иноземцы, посягнувшие Первомартовским восстанием на право японского императора управлять «неразумными детьми» (корейским народом). Этому способствовало сформировавшееся в затянувшуюся феодальную эпоху иерархическое мировидение японцев отводившее колонизованному корейскому народу вассальную нишу на нижней ступеньке этнополитической лестницы.

Этюа Риити, автор «Дневника рядового в районе землетрясения» описал действия, военнослужащих 13-го кавалерийского полка Нарасино, получившие печальную известность как инцидент Камэйдо: «Свою службу полк начал с проверок поездов. Офицер с обнаженным мечом проходил сначала по вагонам, а затем вдоль состава...Обнаруженные корейцы стаскивались на землю и погибали под ударами наших мечей и штыков. Японцы, кипя от негодования кричали «Банзай! Предатели! Убить всех корейцев!»⁴².

Обряды в язычестве призваны «исправить реальность» (например, вызвать выпадение осадков в засуху), преодолеть беспомощность человека перед непознаваемым миром, взять у природы реванш с помощью невидимых духов. В этом плане массовые убийства корейцев в чём-то были похожи на ритуальные человеческие жертвоприношения в империях мезоамерики (ацтеки, майя). На уровне подсознания язычниками-японцами двигало в том числе и неосознанное желание кровавыми жертвами умиловить неподвластную стихию, предотвратить повторение ужасов землетрясения, страшных пожаров, напавших апокалипсис.

Примечательно, как законопослушные убийцы иммигрантов, привлечённые впоследствии к суду, объясняли своё участие в преступлениях. В ответ на

вопрос судьи один из обвиняемых ответил: «Да, я участвовал в убийстве трех корейцев. Я знаю, что поступил очень неправильно. В следующий раз, я попытаюсь убежать...»⁴³. Другой подсудимый объяснил, что он просто постучал по голове корейца дубинкой, добавив в своё оправдание, что в этот момент он был пьян⁴⁴. В репортаже из зала суда корреспондент газеты Санъё симпо отметил, что большинство обвиняемых имели начальное (3-4 летнее) образование, «следовательно, причины совершения ими преступлений лежали в их неспособности к сложным умозаключениям» Все подсудимые верили в слухи о корейских мятежах, а некоторые признались, что «считали делом чести убивать злых людей». Отвечая на вопрос судьи: «Что вы сейчас думаете о ваших действиях?» все они растерянно отвечали: «Я думаю, что совершил плохой поступок»⁴⁵.

Сумма ответов даёт представление об индуктивном характере антикорейских погромов, совершавшихся «ведомой» толпой в состоянии аффекта, с отношением к корейцам как к существам второго сорта (что соответствовало иерархическому мировидению японцев, еще не перерезавших, пуповину связывавших их с феодальным миром средневековой Японии). В газете Осака майнити было помещено мнение «известного юриста», защищавшего убийц, который утверждал, что было бы неправильным считать антикорейские действия членов дзикайдан обычными преступлениями, поскольку это были действия не «здоровомыслящих людей», а толпы в состоянии «временного помешательства». Задача адвоката выгородить подсудимого, «объяснить» мотивы его преступления, представив злодея жертвой обстоятельств или некоего кукловода. Но в этом случае довольно здравая аргументация «известного юриста» естественным образом порождает новые вопросы — кто инициатор, индуктор этого массового истероидного действия.

«Индукцированный психоз» — термин, введённый в оборот психиатрами конца XIX в., которые установили, что психические расстройства могут быть «заразными», передаваться во время обмена информацией. Подобно компьютерному вирусу массовый параноидный психоз, может охватить большие группы населения. В полицейском докладе о корейских погромах (Наймусё кэйхокёку хоанка. Тайсё дзюённэн тю ни окэру дзайрё тэсэндзин но дзёкё токио 1925) говорилось: «...циркуляция слухов о корейцах во время землетрясения, привела население в ярость и воз-

⁴¹ Кан Ток Сан. Гэндайси сирё 6. (материалы по новейшей истории). Т. 6. Канто дай синсай то тэсэндзин. (Великое землетрясение в Канто и корейцы). — Токио, 1963. — С. 365.

⁴² Такахаши Синъити и др. Рэкиси но синдзицу: Канто дай синсай то тэсэндзин гякусацу (Правда истории: землетрясение в Канто и убийства корейцев). — Токио, 1975. — С. 285.

⁴³ Osaka Mainichi. 23.10.1923.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Санъё синпо. 26.10.1923.

будила чувство враждебности к корейцам, что стало причиной вспышки насилия»⁴⁶.

Подданные Микадо даже в судах не слишком раскаивались в убийствах, которые, по их мнению, были совершены во благо государства и по его косвенному указанию. Многие обвиняемые прямо называли полицейских и чиновников как «соучастников-кукловодов». Государство в лице судов видимо было солидарно с подсудимыми, (проявляя снисходительность) оправдывая их, либо давая минимальные (часто условные) сроки, которые вскоре заканчивались в связи с амнистией. В репортажах из зала суда, публиковавшихся в газетах Токио нити нити симбун и Осака майнити симбун отмечались почти карнавальная атмосфера царившая в суде⁴⁷, «остроумные заявления» обвиняемых, вызывавшие смех на галереях⁴⁸. Это подтверждает во многом несамостоятельный характер действий участников антикорейских погромов, совершаемых как бы в состоянии гипнотического внушения, после выхода из которого человек не воспринимает себя в качестве субъекта совершённых им действий.

Одним из самых убедительных свидетельств об ответственности чиновников за распространение антикорейских слухов была информация не с левого по-

литического фланга, как можно было бы ожидать, а от правых радикалов. Утида Рёхэй, старейшина японских ультра-националистов и лидер Кокурюкай (Общество чёрного дракона), постфактум подтвердил, что полиция несет ответственность за распространение дезинформации о преступном поведении корейцев. По его мнению, «принимая во внимание все факты, похоже, что слухи о корейских бунтах начались с предостережения полиции в Йокогаме. Людям советовали остерегаться действий корейцев и даже убивать их, если они казались подозрительными»⁴⁹.

Уэсуги Синкити, профессор права Токийского университета, первый президент ультра-националистической организации Кэнкокукай (общество государственного строительства) выступил с критикой действий правительства в отношении корейской диаспоры. В статье, опубликованной в Кокумин симбун 14 октября 1923 г. Уэсуги, «выразив сомнение миллионов», утверждал, что а. полиция распространяла слухи; б. членам дзикайдан было разрешено носить оружие и были основания полагать, что убийство корейцев было санкционировано; в. никаких попыток подавить насилие не предпринималось; г. сами полицейские незаконно арестовали и убили многих людей⁵⁰.

Библиографический список:

1. Акаикэ Ацуси. Дайсинсай тодзи ни окэру сёкан (Мои мысли во время землетрясения в Канто) // Дзикай. №51. Ноябрь 1923.
2. Ивамура Тосио. Дзайнити тэсэндзин то нихон родося кайкю (Корейская диаспора в Японии и японский рабочий класс). — Токио, 1972.
3. Имаи Сэйити. Нихон но рэкиси (История Японии). № 23. Тайсё демокрасии (эпоха демократии Тайсё). — Токио. Тюо коронся, 1978.
4. Кан Ток Сан. Гэндайси сирё б. (материалы по новейшей истории). Т. 6. Канто дай синсай то тэсэндзин. (Великое землетрясение в Канто и корейцы). — Токио. 1963.
5. Кокумин симбун. 14.10.1923 г.
6. Мацуо Такаёси. Канто Дайсинсай ка но тэсэндзин гякусацу дзикайэн. дзё (Массовые убийства корейцев во время Великого землетрясения Канто. Ч. 1) Shiso. № 471. Сентябрь 1963.
7. Мацуо Такаёси, «Канто Дайсинсай ка но тэсэндзин гякусацу дзикайэн. гэ. (Массовые убийства корейцев во время Великого землетрясения в Канто. Ч. 2). Сисо. № 476. Февраль 1964.
8. Наймусё кэйхокёку (Министерство внутренних дел управление полиции). Тайсё дзюнинэн кугацу цуйтати синсайго кэйкай кэйби иппан (Действия полиции после землетрясения 1сентября 1923 г.). без даты.
9. Пак Кэн Сик. Дзайнити тэсэндзин ундоси (Социально-политическая история корейцев в Японии). — Токио, 1979.
10. Психиатрия: учеб. пособие для студентов медицинских вузов / под ред. В. П. Самохвалова. — Ростов-н/Д.: Феникс, 2002.

⁴⁶ Weiner Michael. The Origins of the Korean Community in Japan, 1910-1923. Humanities Press International, Atlantic Highlands, New Jersey, 1989. P. 198.

⁴⁷ Токио нити нити симбун 23.10.1923.

⁴⁸ Osaka Mainichi. 23.10.1923.

⁴⁹ Кан Ток Сан. Гэндайси сирё б. (материалы по новейшей истории). Т. 6. Канто дай синсай то тэсэндзин. (Великое землетрясение в Канто и корейцы). — Токио, 1963. — С. 243.

⁵⁰ Там же. — С. 148.

11. Санъё синпо. 26.10. 1923 г.
12. Такахаси Синъити и др. Рэкиси но синдзицу: Канто дай синсай то тэсэндзин гякусацу (Правда истории: землетрясение в Канто и убийства корейцев). Токио, 1975.
13. Токио нити нити симбун 23.10.1923.
14. Cohen Stanley. Folk Devils and Moral Panics. The Creation of the Mods and Rockers. Oxford: Basil Blackwell, 1972. 248 p.
15. Mitchell Richard. The Korean minority in Japan. University of California press. Berkeley and Los angeles, 1967. 285 p.
16. Osaka Mainichi. 23.10.1923.
17. Smethurs Richard J.: A social basis for prewar Japanese militarism: the army and the rural community, xxi, 202 pp. Berkeley, etc.: University of California Press, 1974.
18. Wagner Edward. The Korean minority in Japan 1904-1950 New York: Institute of pacific relations, 1951. 195 p.
19. Weiner Michael. The Origins of the Korean Community in Japan, 1910-1923. Humanities Press International, Atlantic Highlands, New Jersey, 1989. 248 p.

References (transliteration):

1. Akaike Atsusi. Daysinsay todzi ni okeru sekan (Moi mysli vo vremya zemletryaseniya v Kanto) // Dzikey. №51. noyabr' 1923. S. 201-234.
2. Ivamura Tosio. Dzayniti tesendzin to nikhon rodosya kaykyu (Koreyskaya diaspora v Yaponii i yaponskiy rabochiy klass). Tokio. 1972. 284 s.
3. Imai Seyiti. Nihon no rekisi (Istoriya Yaponii). № 23. Tayse demokrasii (epokha demokratii Tayse), Tokio. Tyuo koronsya, 1978. 393 s.
4. Kan Tok San. Gendaysi sire 6. (materialy po noveyshey istorii) t.6. Kanto day sinsay to tesendzin. (Velikoe zemletryasenie v Kanto i koreytsy) Tokio. 1963. 607 s.
5. Kokumin simbun. 14.10.1923 g.
6. Matsuo Takaesi. Kanto Daysinsay ka no tesendzin gyakusatsu dziken. dze (Massovye ubiystva koreytsev vo vremya Velikogo zemletryaseniya Kanto. ch.1) Shiso. № 471. sentyabr' 1963. S. 30-48.
7. Matsuo Takaesi, «Kanto Daysinsay ka no tesendzin gyakusatsu dziken. ge. (Massovye ubiystva koreytsev vo vremya Velikogo zemletryaseniya v Kanto ch. 2). Siso. № 476. fevral' 1964. S. 102-125.
8. Naymuse keykhokeku (Ministerstvo vnutrennikh del upravlenie politsii). Tayse dzyuninen kugatsu tsuytati sinsaygo keykay keybi ippan (Deystviya politsii posle zemletryaseniya 1sentyabrya 1923 goda). bez daty.
9. Pak Ken Sik. Dzayniti tesendzin undosi (Sotsial'no-politicheskaya istoriya koreytsev v Yaponii). Tokio. 1979.
10. Psikhiatriya. Uchebnoe posobie dlya studentov meditsinskikh vuzov / pod red. V. P. Samokhvalova. — Rostov n/D.: Feniks, 2002.
11. San'e sinpo. 26.10. 1923 g.
12. Takakhasi Sin'iti i dr. Rekisi no sindzitsu: Kanto day sinsay to tesendzin gyakusatsu (Pravda istorii: zemletryasenie v Kanto i ubiystva koreytsev). Tokio. 1975. 258 s.
13. Tokio niti niti simbun 23.10.1923.
14. Cohen Stanley. Folk Devils and Moral Panics. The Creation of the Mods and Rockers. Oxford: Basil Blackwell, 1972. 248 p.
15. Mitchell Richard. The Korean minority in Japan. University of California press. Berkeley and Los angeles, 1967. 285 p.
16. Osaka Mainichi. 23.10.1923.
17. Smethurs Richard J.: A social basis for prewar Japanese militarism: the army and the rural community, xxi, 202 pp. Berkeley, etc.: University of California Press, 1974.
18. Wagner Edward. The Korean minority in Japan 1904-1950 New York: Institute of pacific relations, 1951. 195 p.
19. Weiner Michael. The Origins of the Korean Community in Japan, 1910-1923. Humanities Press International, Atlantic Highlands, New Jersey, 1989. 248 p.